

DOI: 10.17976/jpps/2015.05.03

ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Л.М. Дробижева, С.В. Рыжова

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН, профессор-исследователь НИУ ВШЭ. Для связи с автором: drobizheva@yandex.ru; **РЫЖОВА** Светлана Валентиновна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН. Для связи с автором: Silica2@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 06.06.2015. Принята к печати: 26.06.2015

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-28-00218

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с представлениями о гражданской идентичности в России во властном дискурсе, в научной элите и массовом сознании. Внимание сфокусировано на динамике множественной идентичности, сопряженности и балансе гражданской и этнической идентичности русских и других российских национальностей. Анализ основывается на исследованиях Института социологии РАН, проведенных в 2013–2015 гг. по репрезентативной общероссийской выборке и в ряде автономных республик РФ, а также на результатах дискурс-анализа доктринального и научного пространства. В статье уточняется содержательное наполнение представлений о гражданской идентичности, о ее роли в обеспечении государственной общности, обосновывается термин государственно-гражданской идентичности, наиболее адекватно отражающий представления россиян на современном этапе. Проанализирован баланс соотношения государственно-гражданской и этнической идентичности у русских и у титульных национальностей автономных республик. Аргументируется тезис о совместимости этих идентичностей при условии их позитивной направленности. Как показано авторами, значимость и актуальность этнической идентичности у русских сейчас не ниже, чем у титульных национальностей автономий России. А гражданская идентичность у них сопряжена с этнической сильнее, чем у людей других национальностей. Общая государственность является основным связующим сегментом гражданской и этнической идентичности как у русских, так и у иных национальностей. Но представление о желаемом государстве отличается в разных социальных и этнических сообществах и требует внимания общества и власти для поддержания лояльности государству как “общему дому многих народов”. Для укрепления гражданской идентичности важно развивать чувство ответственности за дела в стране, эту позицию сегодня разделяют лишь от 30% до 50% граждан, в зависимости от региона страны.

Ключевые слова: гражданская идентичность; государственно-гражданская идентичность; этническая идентичность; идентичность русских и титульных национальностей автономных республик; желаемое государство; статус русских; равноправие народов.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Гражданская идентичность важна как для социально-психологического состояния людей в стране, так и для государства, заинтересованного в прочном сцеплении между конструкцией политического порядка и “тем коллективным целым, что находится под ним” [Эйзенштадт, Шлюхтер 2007: 37]. В последние два десятилетия к изучению российской идентичности привлечено внимание

представителей разных обществоведческих научных дисциплин¹. Они приложили немало усилий, чтобы акцентировать внимание власти и общества на понимании ее значимости, продвижении представлений о ней в мировой и отечественной литературе, на необходимости изучения представлений о ней в массовом сознании. Казалось бы, достигнуто понимание того, что “вопрос обретения и укрепления национальной идентичности носит для России фундаментальный характер”, как высказался об этом президент РФ осенью 2013 г. в выступлении на Валдайском форуме².

Однако даже наименование нашей гражданской идентичности по-прежнему дискутируется: обсуждается, можно ли ее называть национальной в значении политической нации, если под нацией понимают и общероссийскую общность, и этнокультурную. Уже более 20 лет академик В.А. Тишков пытается закрепить за понятием “нация” смысл исключительно гражданской, политической общности, а во властном политическом дискурсе утвердились и эффективно используются понятия этноса, этничности. Тем не менее, в российской традиции понятие нации в повседневной практике используется для обозначения этнических общностей, прежде всего в автономных республиках и для обозначения их титульных национальностей. И теперь даже инициатор политического наполнения содержания понятия нации В.А. Тишков пытается “спасти положение”, продвигая тезис о том, что “мы – нация наций” [Тишков 2013: 9], как кастильцы, баски в Испании, шотландцы в Великобритании, квебекцы в Канаде. А это означает, что предстоит договариваться, как называть нашу общероссийскую идентичность. Можно ли называть ее национальной идентичностью?

10 Навязать сверху наименование общности нереально. Можно формировать, утверждать что-то, если для этого есть основания, и лучше, чтобы это были привычные, понимаемые паттерны (неслучайно первые автомобили делали в виде карет). Основания искать можно в истории и, главным образом, в массовом сознании. Вот почему в социологических исследованиях, в том числе в тех, на базе которых написана данная статья, изучаются представления людей о том, что объединяет их как граждан, какие ценности выступают скрепляющими российскую общность. Наши страновые идентификационные паттерны дореволюционных времен и советского периода не оставили нам оснований, которые разделялись бы влиятельными группами элит и принимались бы большинством населения. Новые же лишь формируются, но даже теоретически обоснованные и подтвержденные эмпирическими исследованиями, они используются “актерами политических игр”, каждый раз по-своему интерпретируемые [Санина 2012: 57-65], и потому требуют дополнительной аргументации. Наконец, в особо тщательной разработке нуждается проблема совместимости общегражданской идентичности и других коллективных идентичностей, прежде всего этнической, локальной, региональной, этноконфессиональной. Существуют альтернативные представления о перспективах: от конкуренции и несовместимости этих идентичностей, жесткой иерархии их выстраивания или в перспективе просто формирования единой гражданско-культурной идентичности³ до возможности совместимости этих идентичностей при

¹ Только книг, непосредственно посвященных проблеме, вышло более 170.

² Выступление В.В. Путина на Валдайском форуме. 2013. – *Президент России. Официальный сайт*. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (проверено 15.05.2015).

³ Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба Валдай. Сентябрь 2013 г.

их позитивной направленности с концепцией понимания “других”, организации взаимопонимания, “единства в многообразии”. Но для этого надо постоянно иметь данные о динамике и трендах трансформации этих идентичностей.

В условиях, когда глобализация усиливает общность материально-технического основания поликультурного пространства и вместе с тем не устраняет, а в чем-то расширяет возможности этнической и локальной консолидации, встают вопросы о смыслах, интересах мобилизации в этих объединяющих полях. Вопрос идентичности обретает принципиально важный характер, определяя наше отношение к этим противоречивым тенденциям. Дальнейшая теоретическая разработка проблемы формирования и укрепления российской идентичности и ее совместимости с другими идентичностями требует анализа существующих теоретико-методологических подходов на основе изучения результатов эмпирических исследований. В статье мы попытаемся ответить на ряд поставленных вопросов, опираясь на имеющиеся теоретические разработки, результаты мониторинговых исследований Института социологии РАН 2011-2015 гг. (осуществленных под руководством акад. М.К. Горшкова)⁴; авторы являются участниками этого проекта. Кроме этого мы использовали данные других мониторинговых исследований (Левада-Центр, Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения, *RLMS* и Европейские социальные исследования, *ESS* и др.), а также наши репрезентативные исследования в Башкортостане, Татарстане, республике Саха (Якутии), проведенные совместно с нашими коллегами из республик в 2012-2013 гг.⁵

К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Феномен гражданской идентичности стал активнее изучаться в России с 1990-х годов. Психологи идентичность понимают главным образом как самоотождествление, концентрируя внимание на ее формировании за счет сопоставлений “мы – они”.

Этнополитологи акцентируют внимание на отличии гражданского самосознания от этнического, апеллируя к историческому наследию российской идентичности, к ее смыслам, политическим и культурным составляющим [Тишков 2013]. В политологии идентичность гражданской нации рассматривают как макрополитическую и сфокусированную на конструировании идентичности государством и “группами интересов” [Семенов 2012]. Такая идентичность необходима при выработке стратегии нациестроительства в современном мире [Идентичность как предмет... 2011] для осмысления единого политического пространства [Панов 2011], разделенного на иерархически выстроенные аскриптивные (приписываемые) группы с общими представлениями картины мира по Брубейкеру [Brubaker 2005: 107-132] и включающего многообразие форм коллективных идентичностей.

Социологи одними из первых в отечественной науке начали изучать гражданскую идентичность на представительном эмпирическом матери-

⁴ Выборочная совокупность в 2015 г. составляет 4000 респондентов, в 2011-2014 гг. — 1750 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше в основных территориально-экономических регионах. Для русских это репрезентативная выборка, для группы “другие национальности” она репрезентативна в целом для общей выборочной совокупности, но не для каждой конкретной национальности [см. Российское общество... 2015].

⁵ Выборочная совокупность по республикам составляет 1000-1034 респондентов, репрезентируя основные по численности национальности автономных республик [см. Гражданская... 2013].

але (М.К. Горшков, Е.Н. Данилова, Л.М. Дробижева, А.Г. Здравомыслов, Н.Е. Тихонова, В.А. Ядов). Ими велось изучение и того, “кто мы”, и того, “какие мы”. В сферу их анализа включались степень ассоциированности социальных и этнических групп с образом “мы – граждане России”, интенсивность, степень ощущения связи с ним, соответствующие представления, факторы, влияющие на характер общенациональной идентичности.

Естественно, жесткого междисциплинарного различия в изучении идентичностей нет. И при широком раскрытии идентичности (“какие мы”) и при более “направленном” (“кто мы”) исследователи опираются на работы Э. Эриксона, который понимал идентичность как “самоотождествление”, имеющее социально-культурную основу, и обратил внимание на ее связь с идеологией [Erikson 1956: 56-121; Erikson 1963]. Используются выводы Г. Тэжфела и Дж. Тернера о категоризации как свойстве социального и группового сравнения восприятия человека [Tajfel, Turner 1986: 7-24], концепция Д.Г. Мида о формировании идентичности в процессе взаимодействия с другими [Mead 1934].

Трактовки гражданской идентичности различаются. Для политологов это “интерпретация индивидом социальной реальности”, “общность коллективных представлений о мире”, включая “образ этой группы, как того самого микроколлектива, в рамках которого мир приобретает целостность... и идентификация себя с этим коллективом...” [Панов 2011]. Некоторые исследователи придают особое значение лояльности власти. А.И. Миллер пишет о нации как объекте ассоциации в идентичности [Миллер 2008].

Для В. Тишкова национальная идентичность – “один из видов групповой идентичности, по принадлежности к нации” (в значении государственно-территориальной, политико-правовой общности), “общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и чувство принадлежности к ним”. Особенно выделяется им то, что это общность “по отношению к государству”, “признание государства своим” [Тишков 2013: 64, 66-67, 105-106]. Социологи стараются давать операциональные определения, которые можно проверить эмпирическим путем. Для нас гражданская идентичность – это самоотождествление себя с гражданами страны, представление о государстве, стране – образ “мы”, чувство общности, солидарности, ответственность за дела в стране.

Гражданская идентичность, как и другие виды коллективных идентичностей, включает в себя не только когнитивные и эмоциональные компоненты, но и регулятивные. Деятельностные элементы, с нашей точки зрения, чаще и отличают гражданскую идентичность, скажем, от просто страновой и государственной. Они стимулируются интересами – политическими, социальными, личностными.

Представления и чувства идентичности формируются системой образования, СМИ и художественной культурой, символами и ритуалами, языком, религией, историческим наследием. Последнее понимается не как исторические знания, а как часть культурного капитала [Тишков 2010: 627]. “Это не экскурс в прошлое, а прославление прошлого”, часто мифологизированного прошлого, но очень важного для коллективной идентичности, как пишет Д. Лоуэнталь [Lowenthal 1998: 110-111]. В этом смысле Э. Хобсбаум образно называл историю формой вдохновения и идеологией и видел риск в построении идентичности на основе истории [Hobsbawm 1998: 357]. Художественная культура также выступает культурной основой формирования идентичности. На элите и государстве лежит ответственность за этот процесс аккумуляции исторического наследия

страны. Именно государство заинтересовано в выполнении гражданской идентичностью *функции* консолидации общества, приверженности к территориальной целостности, обеспечения лояльности государству, стране, сплоченности социальных фрагментов общества. Но и само общество заинтересовано в позитивной идентичности для благоприятного социально-психологического самочувствия граждан, их консолидации (единство в многообразии), которое становится ресурсом общественного развития.

Все как коллективные, так и индивидуальные идентичности динамичны. Однако их изменчивость зависит не только от усилий конструкторов, но и от состояния общества, устойчивости исторического и культурного наследия, инновационных процессов в политике, моральных представлений людей, их ценностных ориентаций. Вот почему мы рассмотрим не только динамику гражданской и этнической, локальной идентичности, но и возможные основания изменений.

Идентичности современных людей множественные. Их значимость для конкретных людей в различных условиях меняется, но важно, что чаще всего они являются не взаимоисключающими. В фокусе данного исследования — соотношение гражданской и этнической идентичностей. Прежде чем перейти к их содержательному рассмотрению, остановимся на их динамике.

БАЛАНС ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Когда страна в ходе распада СССР потеряла привычные территориальные очертания, а ее история подверглась пересмотру на фоне доминирования негативных оценок социального устройства, многие утратили представления о своей государственной самоидентификации. Судя по опросам Института социологии РАН в 1992 г. (руководитель В.А. Ядов) и Института конкретных социальных исследований в 1998 г. (руководитель М.К. Горшков), около половины респондентов (47%) еще ассоциировали себя с “советским народом”. При этом с “россиянами” испытывали чувство общности (часто и иногда) — 71-74% [Российская идентичность... 2005: 75-83]. Опросы *RLMS* и *ESS*, охватывающие большие территории и шире включающие этническое разнообразие, в 2006 г. и в 2008 г. фиксировали гражданскую идентичность у 66-68% россиян. В 2012-2015 гг. ощущение связи с гражданами страны по данным *ESS*, *RLMS* и Мониторинга ИС РАН испытывало 74-84%.

Несмотря на то что многие национально ориентированные политики среди русских и среди других национальностей говорили, что им не импонирует слово “россияне”, представление “мы — граждане России” устойчиво разделяли более чем 2/3 населения. Эта формула воспринимается практически в равной степени как русскими, так и людьми других национальностей (соответственно, 74% и 68% по общероссийским опросам)⁶. Исследования, проводившиеся в этот период в Башкортостане, Татарстане, республике Саха, Мордовии, Чувашии, свидетельствовали, что и люди титульных национальностей этих автономий, и проживающие в них русские, отдавали предпочтение гражданской идентичности в не меньшей степени (в перечисленных республиках — 80% и более) [Гражданская... 2013: 6].

⁶ Проект “Динамика социальных трансформаций современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах”, исследование Института социологии РАН, 2015 г. (руководитель — академик М.К. Горшков). Далее — Мониторинг ИС РАН, вторая волна.

Ряд индикаторов – устойчивость показателей, характеризующих сильную связь с гражданами страны, почти не отличающихся в зависимости от возраста и уровня образования, ориентация на ценности государства, стабильный уровень доверия к власти и к окружающим – свидетельствовали о формировании новой гражданской идентичности в 2000-е и особенно в 2014-2015 гг. Олимпиада в Сочи, события в Крыму лишь проявили ориентации общества на консолидацию.

Этническая идентичность в этот период тоже оставалась актуальной. У русских ее интенсивность была чуть ниже, чем у представителей других национальностей России. Аффiliated составляющая идентичности прослеживается при анализе ответов на вопрос: “О каких из перечисленных групп Вы можете сказать ‘это – мы’? Определите степень близости к ним”. Ощущение единства – чувство “мы” с людьми своей национальности переживают около 80% русских, так же как и россияне иных национальностей. Из их числа “в значительной степени” эту близость ощущали 25% русских и 39% людей иных национальностей. Степень ощущения себя русским не зависит от возраста, образования, профессионального статуса. Чуть меньшая сила ассоциативности русских со своим этносом связана, скорее всего, с характером этнической среды. Большинство русских живет в своей этнической среде и им не приходится, как людям иных национальностей, постоянно сталкиваться с этническими особенностями окружающих, выделять себя. Исследование зафиксировало также достаточно высокую значимость религиозной идентичности и для русских, и для людей других национальностей.

Россия – большая страна, поэтому актуальность земляческой идентичности не ниже, чем этнической (34% в “значительной степени” против 27%). Это ориентирует на формирование социальной консолидации также по признаку локальной или этнотерриториальной общности.

Отметим, что русские, значительно отставая в солидаризации от россиян других национальностей в начале 1990-х годов, уже к концу первого десятилетия XXI в. не отличались по этому показателю от людей других национальностей России.

Этническая солидарность, так же как историческая память, вносит значительный вклад в формирование современных гражданских наций [Smith 1986: 16]. По данным общероссийского исследования, соглашаются с суждением “в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности” 80% русских и 76% инонациональных россиян (полностью согласны с этим мнением 30% среди обеих категорий). Установка этнической солидарности не зависит от образования, но связана с возрастом. В группе людей старше 60 лет такое суждение поддерживают 77%, а в группе 18-30-летних – 68%.

Исследования, проводившиеся нами в республиках и областях Российской Федерации в 1990-е и начале 2000-х годов⁷, показали, что происходящие в об-

⁷ Исследовательские проекты: “Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности” (1997-1998 гг.), “Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации” (1999-2001 гг.) (руководитель Л.М. Дробижева). Исследования проводились в Республике Татарстан, Республике Саха (Якутия), в Оренбургской области; организованы Отделом этнической социологии Института этнологии и антропологии РАН. Использовалась территориальная, стратифицированная, вероятностная модель выборки – трехступенчатая для городского населения и двухступенчатая для сельского населения. В 1997 г. объем выборочной совокупности составил 1121 чел. в Татарстане, 918 чел. в Саха (Якутии), 999 чел. в Оренбургской области. В 1999 г. объем выборочной совокупности составил 1050 чел. в Саха (Якутии), 1000 чел. в Татарстане, 1160 чел. в Оренбургской области [см.: Социальная и культурная... 1998; Социальное неравенство... 2002]. Автор проекта Л.М. Дробижева.

ществе глобальные перемены воспринимаются неодинаково русскими и инонациональными россиянами. Один из выводов состоял в том, что в 1990-х годах русские переживали происходящие в стране социальные трансформации как процессы с неодинаковыми последствиями для ее граждан. В то время как представители титульных национальностей автономных республик получили возможность свободного этнокультурного развития, переживали период возрождения этнического самосознания и чувств национального достоинства, большинство русских болезненно воспринимали потерю статуса “старшего брата” и утрату державного самосознания.

Это находило отклик в пессимистичном восприятии русскими ситуации в сфере межнациональных отношений, фиксировалось в оценках материального положения, оценках своего социального статуса (русские реже относили себя к среднему классу), в восприятии своих жизненных перспектив и чувства уверенности в завтрашнем дне. Специфика восприятия русскими происходивших в постсоветский период социально-экономических и политических трансформаций обнаруживала себя при анализе стратегий их экономических мотиваций. В исследовании 1999 г. [Социальное неравенство... 2002] было выяснено, что русские, в сравнении с титульными этническими группами, в меньшей степени рассчитывали на собственные силы в стратегиях избегания нищеты и бедности, обладали большей пассивностью и терпеливостью к факторам экономической и социальной депривации.

Эта тенденция обнаруживалась и в общероссийском исследовании 2014 г.⁸ Русские, в сравнении с россиянами иных национальностей, давали более пессимистические оценки сложившейся в России ситуации: 55% русских и 45% инонациональных россиян оценивали современную ситуацию в России как “напряженную, кризисную”; 45% русских и 35% инонациональных россиян считали, что “в России в последний год произошли перемены к худшему”. Полагали, что “в ближайший год Россию ждут трудные времена” 50% русских и 41% нерусских граждан России.

На протяжении всего постсоветского развития русские демонстрировали установки, свидетельствующие о менее позитивном (в сравнении с инонациональными россиянами) восприятии ими собственного положения. В 2014 г. эта тенденция также проявилась: позитивную оценку “хорошо” своему положению в обществе давали 34% русских и 41% инонациональных россиян; собственное положение на работе виделось “хорошим” 27% русских и 35% инонациональных россиян. Возможно, это связано с тем, что среди русских доминируют горожане, а у них требования к условиям жизни и оценке положения выше.

Между тем, позитивная солидарность русских является ресурсом для оптимистичного восприятия ими перспектив развития России. Среди людей, оптимистично воспринимающих перспективы развития России (выбор ответа “в перспективе страна будет успешно развиваться”), доля тех, кто имел установку этнической солидарности (“в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности”), была выше среднего (соответственно, 79% и 72%). При этом установки этнической солидарности среди русских увеличивались у тех, кто по своим общественно-политическим ориентациям

⁸ Мониторинг ИС РАН, первая волна, 2014 г.

относится к сторонникам возрождения страны как великой державы (84% сравнительно с 72% в среднем), и не росли среди сторонников идей русского национализма.

На примере русских видно, что придерживающиеся установок этнической солидарности более оптимистично видят развитие России, у них выше лояльность к государству и обществу, любовь к Родине и державные ориентации. Но этническая солидарность выражена и у людей других российских национальностей. Поэтому важны те солидарные чувства, которые объединяют людей в полиэтническом пространстве. Это, в первую очередь, общность позитивных чувств, с которыми ассоциируется Россия в глазах ее граждан. Независимо от национальности, большинство опрошенных россиян относятся к России с *любовью, гордостью и уважением* (эти чувства отметили 66% русских и 64% иноэтничных россиян).

Сходство в отношении к этнокультурному своеобразию – не менее важный показатель общероссийской солидарности и совместимости гражданской и этнической идентичности.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВМЕСТИМОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Немало консолидирующих смыслов и значений становятся очевидными при рассмотрении интеграторов в изучаемых идентичностях (см. рис. 1).

Рисунок 1 (Figure 1)

Основания гражданской и этнической идентичностей (данные Мониторинга ИС РАН, вторая волна в 2015 г., %)

Foundation of the Civil and Ethnic Identities

(Monitoring Data of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, the second wave in 2015, %)

И сегодня в России на фоне дискуссий ученых и политиков о формировании гражданского общества и несомненной актуализации этнического (этнонационального) сознания русские в доминирующей своей части идентифицируют себя с гражданами РФ. С конца первого десятилетия XXI в.

в Центральной части России, в областях с преимущественно русским населением они осознают себя, как показывали и предыдущие исследования, россиянами в ряде регионов даже чаще, чем русскими [Российская идентичность в Москве... 2009: 26]. Данное исследование также показывает, что более 70% русских отождествляет себя с гражданами России. А в ряде республик доля русских, ощущающих сильную связь с россиянами, была даже больше, чем в целом по России (при 27% по стране, в республиках около 50% и более [Гражданская... 2013: 59, 67, 72]). Например, в Саха (Якутии) среди русских в 2013 г. в значительной степени чувствовали связь с гражданами России 45%, с людьми своей национальности 40% [там же: 59]⁹.

Гражданская, общенациональная идентичность у людей разных национальностей основывается, прежде всего, на едином государстве (66%), на представлениях о территории (54%), государственном языке – 49%, историческом прошлом – 47%, и только потом на культуре, символах, праздниках (32-37%), чертах характера (8%).

Главными индикаторами при этнической идентификации выступают язык национальности (75%), культура, обычаи, праздники (47-63%), родная земля, природа (53%), историческое прошлое (49%), государство (33%), религия (32%), черты характера (20%)¹⁰. Важнейшие, наиболее выраженные, определенные этнические интеграторы – это, прежде всего, язык, культура, родная земля, историческое прошлое.

Интегрирующие индикаторы гражданской идентичности лишь немного менее выражены, но тоже достаточно определены – государство, территория, государственный язык, историческое прошлое и только потом символы, культура, праздники. Исследование обнаруживает достоверную связь степени принадлежности к своей национальности и к гражданам России (зависимость подтверждена коэффициентом связи χ^2 Пирсона для таблиц сопряженности).

У русских этническая идентичность соединена с гражданской больше, чем у людей других национальностей в силу того, что они идентифицируют себя, прежде всего, по языку и культуре, а русский язык является не только их родным языком, но и общегосударственным. Профессиональная культура российских народов развивается преимущественно на русском языке. И общероссийский фонд культуры, включающий культуру всех народов, исторически сложился с русской доминантой. Россия не является каким-то исключением. Все современные согражданства (нации в политическом значении этого термина) имеют сложный этнический, расовый, религиозный состав населения. При этом культура, язык большинства, как правило, являются основой общенациональной культуры. В Великобритании это английский компонент, в Испании – кастильский, в Китае – ханьский. Таким образом, нет ничего удивительного, что, как показывают исследования, этническая и гражданская идентичность по широте распространения и по значимости компонентов у русских чаще совпадают.

У людей других национальностей этническая идентичность по значимости (ощущают сильную связь) чуть больше: 38% против 27% среди русских.

⁹ Возможно, это связано с тем, что немалая часть русских в Саха (Якутии) приехали из других регионов России и живут главным образом в русской среде, например, в Мирном.

¹⁰ Данные Мониторинга ИС РАН, вторая волна.

Очевидным компонентом гражданской (так же как и этнической) идентичности являются представления об общем историческом прошлом. После распада СССР в новых постсоветских государствах везде решалась задача создать свои версии национальной истории (это показало, в частности, специальное международное исследование школьных учебников, спонсированное Институтом им. Георга Эккера). Были изданы книги, посвященные сложностям пересмотра исторических событий с символическими названиями, такие как “Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье” [Шнирельман 2003]. Борьба за историю как компонент национальной (государственной) идентичности идет во всех странах. Попытки ввести в европейские школы больше материалов по всеобщей истории вызвали ответную волну укрепления именно национальных версий в каждой стране [Тишков 2010]. Как писал Э. Смит, национальное прошлое как компонент идентичности содержит исторические факты, подвергаемые идеализации, аллегории и искажениям, “а вместе они составляют широко разделяемый исторический рассказ о героическом прошлом, который служит коллективной потребности в настоящем и в будущем” [Smith 1995: 53]. Через культуру и версию общего исторического прошлого формируются и представления о национальных интересах, лояльности государству, и любовь к Родине.

Но одно дело эмоциональные переживания, привязанность к Родине, другое, когда в идентичности срабатывает регулятивный компонент — готовность к действию. Ответственность за судьбу страны считали необходимым элементом гражданской идентичности по общероссийскому опросу 2015 г. 32%, а в 2011-2013 гг. в регионах страны, в которых проводилось исследование, — от 30% до 50% респондентов. Среди этой части респондентов чуть больше тех, кто считает, что для отстаивания своих прав и интересов за них надо активно бороться. Между тем это основной показатель именно гражданской идентичности. Вместе с тем, в массовом сознании россиян основным интегратором по-прежнему выступает государство. Вот почему нам представляется адекватным сегодняшней реальности именовать нашу общероссийскую идентичность гражданско-государственной¹¹. Это, по нашему мнению, соответствует задаче повышения ответственности граждан за ситуацию в стране, их деятельностного участия в воплощении в жизнь образов желаемого общества и государства.

О ЖЕЛАЕМОМ ГОСУДАРСТВЕ

Сравнительно длительное время после распада СССР социологи отмечали значимость для россиян потери статуса великой державы, объясняя этим фрустрации, компенсаторные настроения. В начале XXI в. на первый план выходило “желание восстановить уровень жизни”, а затем “возрождение статуса великой державы”.

По данным последних исследований, четверть русских и не меньшая часть людей других национальностей называли среди целей, к которым должна стремиться Россия в XXI в., задачу “вернуть статус супердержавы, какой был у СССР”. Но вдвое больше респондентов выказывали стремление видеть Россию “одной из наиболее развитых и политически влиятельных стран

¹¹ Ранее эту идентичность называли национально-гражданской, но если мы принимаем определение “мы — нация наций”, то от нее придется отказываться.

мира” (более 50% русских и более 40% людей других национальностей). Значительно более обретение статуса супердержавы волнует людей их мечта обрести экономически достойное и политически равноправное государство – эффективного игрока современного мира.

Даже те, кто полагает, что Россия должна стать великой державой, в большинстве своем считают, что это нужно сделать главным образом через “развитую современную экономику” (около 60% и русских, и россиян других национальностей), через “высокий уровень благосостояния” (53% и 52% соответственно), через “высокий уровень культуры и возрождение национального духа россиян” (39% и 33% соответственно).

В том, каким хотят видеть наше государство российские национальности, доминируют общие представления. Но их иерархия остается дискутируемой с советских времен. Не случайно в период обсуждения проекта Стратегии государственной национальной политики использование фактически взаимоисключающих формулировок “мы многонациональный народ” и “русские как государствообразующий народ” было одним из самых бурно обсуждаемых. Как известно, перед президентскими выборами В.В. Путин сформулировал свое понимание политики в этой сфере в статье “Русские: национальный вопрос”, где было показано, какое значение в государстве имеют русские. “Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию”. Русские были названы “государствообразующим народом” – по факту существования России¹². “Самоопределение русского народа... – говорилось в статье – ...это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром”¹³. Этот тезис инициировал широкое общественное обсуждение. Одни связывали появление статьи с тем, что большинство электората в предвыборной кампании составляют русские, другие – с событиями на Манежной площади. В статье В.В. Путин уделил специальное внимание объединяющей все российские национальности гражданской идентичности¹⁴. В декабре 2012 г. президентом была подписана Стратегия государственной национальной политики. В ней русский народ интерпретируется как системообразующее ядро в государстве, сплачивающее российские народы культурным кодом.

Благодаря Общероссийским мониторинговым исследованиям Института социологии РАН (а ранее ИКСИ) и исследованиям в российских республиках, мы имеем возможность показать динамику представлений о желаемом характере Российского государства с точки зрения места в нем этничности. В 1995 г. большинство граждан (65%) соглашалось с мнением “Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ”. 11% считали, что Россия должна быть государством русских людей, а 14% полагали, что “русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа в целом”. За 2001-2007 гг. эти две позиции набирали число сторонников до 19% и 31% соответственно, т.е. увеличились вдвое. А выбор позиции “общий дом для многих народов” сократился с 65% до 50% в 2014 г. (см. табл. 1).

¹² Путин В. 2012. Россия: национальный вопрос. – *Независимая газета*. 23.01.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Таблица 1 (Table 1)

Представления о характере Российского государства, 1995, 2007, 2011, 2014 гг., %
Representations about the nature of the Russian state, 1995, 2007, 2011, 2014, %

Суждения	1995	2007	2011	2014
Россия должна быть государством русских людей	11	16	14	9
Россия – многонациональная страна, но русские составляют большинство, и поэтому должны иметь больше прав	14	31	31	32
Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	65	48	47	50

Отношение к этим суждениям различается в зависимости от возраста респондентов. Среди людей старше 50 лет сегодня 56% респондентов разделяют мнение о равных правах в общем доме – России, а среди 18-30-летних – 43%. О России как государстве с преимуществом для этнического большинства согласны в старших возрастах 37-38%, а среди молодых – 46%. Заметно различаются мнения русских и людей других национальностей (см. рис. 2). Среди последних доминирует представление о нашем государстве как “общем доме”. При этом, заметим, представление о России “как общем доме многих народов...” в ряде республик русскими поддерживается чаще, чем в российском пространстве в целом. Так, в Башкортостане, Татарстане, Саха (Якутии) эти идеи разделяли 80-90% русских [Гражданская... 2013: 62, 322].

Рисунок 2 (Figure 2)

20

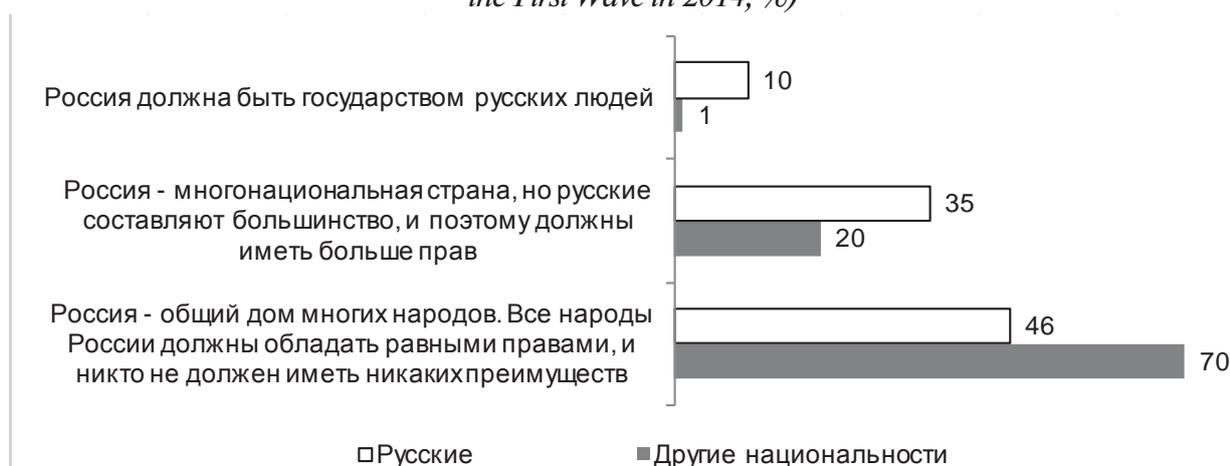
Мнение русских и людей других национальностей о России как общем доме для российских народов

(данные Мониторинга ИС РАН, первая волна в 2014 г., %)

Opinion of Russians (russkii) and Other Peoples of Russia (rossiyane)

about Russia as the Common Home

(Monitoring Data of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, the First Wave in 2014, %)

В целом проект национального государства с многоэтничной российской нацией, в которую входят представители других российских национальностей, имеет основания для реализации. Судя по результатам исследования, именно он в 2014-2015 гг. набирает самую большую долю поддерживающих – 47-50%. При этом среди людей, ориентирующихся на гражданскую идентичность,

доля разделяющих представление “об общем доме...” несколько больше (50% против 43,7% у прочих).

Но, как видим, выросла и доля считающих, что русские должны иметь больше прав. Статус русских стараются повышать через улучшение условий жизни регионов их преимущественного проживания, через создание условий для их социального роста, через утверждение неконфронтирующих российской и русской идентичностей. Как сформулировал В. Путин на Валдайском Форуме, “нужно уважать право меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение”¹⁵.

ВЫВОДЫ

Результаты исследований показывают, что среди россиян укрепляется очевидное большинство с устойчивым общероссийским гражданским самосознанием (75-80%). Оно совмещается с этнической идентичностью и растущей “русскостью”. Последняя проявляется отчетливее у молодежи, среди которой больше сторонников преимущественных прав для русских, шире распространены патриотические настроения. В сравнении с 1990-ми годами, когда этническая идентичность масштабнее и интенсивнее проявлялась у титульных национальностей республик, в 2000-е годы (очевиднее со второй половины первого десятилетия) этническая идентичность русских, преодолев кризисные явления 1990-х годов, стала не менее интегрирующей, чем у других национальностей.

Общероссийская гражданская идентичность в значительной мере является гражданско-государственной. На это влияет состояние гражданского общества как формирующейся политической нации. Предпочитающие такую самоидентификацию готовы разделить ответственность за судьбу страны (от 30% до 50% по регионам), но, очевидно, далеко не всегда.

Авторы отдают предпочтение формулировке *гражданско-государственной*, а не *национально-гражданской* идентичности в силу того, что в научное и публичное пространство России вошло понимание нации как политической, но остается ее понимание и в этнокультурном значении. Гражданско-государственная и этническая идентичности совмещаются в ситуациях, когда каждая из них далека от гипертрофированных форм. В контекстах шовинизма и радикального национализма эти коллективные идентичности вступают в конфликт.

Не только русские, но и другие российские национальности хотят вернуть статус “великой державы”, но главным образом через развитую экономику страны и высокий уровень жизни населения (более 50% респондентов). В 2014-2015 гг. тезис о “желаемой цели – великой державе” в массовом сознании, как правило, не связан с внешней агрессивностью, соотносится преимущественно с ностальгическими настроениями и неприятием неравноправного положения в мировом сообществе. Среди русских есть элементы имперских настроений. Но они не доминируют, направлены на внутригосударственные ориентиры, поддержание справедливости, национального достоинства, а не на установки диктата за рубежами страны.

Ценностное поле, лежащее в основе и гражданской, и этнической идентичности, требует специального рассмотрения, но и сейчас очевидно,

¹⁵ Путин В. *Выступление на Валдайском форуме 19.09.2013 г.* Доступ: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (проверено 20.07.2015).

что негиперболизированная идентичность связана с такими позитивными тенденциями, как рост доверия в обществе, уверенности в себе, ориентации на достижения, укрепление чувства хозяина на своей земле.

Естественно, в формировании характера идентичности велика роль государства, элит. При том, что в этом не может быть идеологической монополии, важны идеи, которые задаются лидером. “Ставя под вопрос нашу многонациональность, начиная эксплуатировать тему русского, татарского, кавказского, сибирского, какого угодно еще, любого национализма и сепаратизма, мы встаем на путь уничтожения нашего генетического кода” — такова озвученная в 2013 г. позиция В. Путина¹⁶. Но способы донесения этих идей через систему образования, художественную культуру, СМИ — далеки от оптимальных. Поэтому слова президента стоит напоминать, понимая из результатов опроса, сколь сложна и порой тонка линия сталкивающихся интересов людей разной социальной и этнокультурной среды и разных моделей самоидентификации.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра (отв. ред. Л.М. Дробижева). 2013. М.: РОССПЭН. 485 с.

Идентичность как предмет политического анализа (отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева). 2011. М.: ИМЭМО РАН. 299 с.

Миллер А.И. 2008. Тема нации в Российской политике последних лет. — *Два президентских срока В.В.Путина: динамика перемен: Сборник научных трудов* (отв. ред. Н.Ю. Лапина). М.: ИНИОН РАН. 320 с.

Панов П.В. 2011. Национальная идентичность: варианты социального конструирования картины мира. — *Идентичность как предмет политического анализа* (отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева). 2011. М.: ИМЭМО РАН. С. 47-51.

Российская идентичность в Москве и регионах (отв. ред. Л.М. Дробижева). 2009. М.: Макс-Пресс. 268 с.

Российская идентичность в условиях трансформаций (отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова). 2005. М.: Наука. 396 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая (под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова). 2015. М.: Издательство “Весь Мир”. 336 с.

Санина А.Г. 2012. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход. — *Социологические исследования*. № 12. С. 57-65.

Семенов И.С. 2012. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир. — *Политическая идентичность и политика идентичности. Т.2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН. С. 41-72.

Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России (отв. ред. Л.М. Дробижева). 1998. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 385 с.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность (под. ред. Л.М. Дробижевой). 2002. М.: Academia. 480 с.

Тишков В.А. 2010. Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина). — *Вестник Российской нации*. № 4-5. С. 12-25.

Тишков В.А. 2013. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. М.: Наука. 649 с.

Шнирельман В.А. 2003. *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: ИКЦ “АКАДЕМКНИГА”. 592 с.

¹⁶ Выступление В.В. Путина на Валдайском форуме 19.09.2013 г. Доступ: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (проверено 20.07.2015).

Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. 2007. Пути к различным вариантам поздней современности: сравнительный обзор. – *Прогнозис*. № 2. С. 212-226.

Brubaker R. 1995. National Minorities, Nationalizing States and External Homelands in the New Europe. – *Daedalus*. No. 124 (2). P. 107-132.

Erikson E.H. 1956. The Problem of Ego-identity. – *Journal of the American Psychoanalytic Association*. No. 4. P. 56-121.

Erikson E. H. 1963. *Childhood and Society*. N.Y., L.: W.W. Norton Company. 445 p.

Hobsbawm E. 1998. *On History*. Altrincham, United Kingdom: Little, Brown Book Group. 416 p.

Lowenthal D. 1998. *The Heritage Crusade and the Spoils of History*. L.: Viking. 356 p.

Mead G.H. 1934. *Mind, Self and Society*. Chicago: University of Chicago Press. 400 p.

Smith A.D. 1986. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Basil Blackwell. 312 p.

Smith A.D. 1995. *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge: Polity Press. 216 p.

Tajfel H., Turner J.C. 1986. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. – *Psychology of Intergroup Relations* (eds. by S. Worchel, W.G. Austin). Chicago, IL: Nelson-Hall. P. 7-24.

DOI: 10.17976/jpps/2015.05.03

CIVIC AND ETHNIC IDENTITY AND PERCEPTION OF THE PREFERABLE STATE IN RUSSIA

L.M. Drobizheva¹, S.V. Ryzhova²

¹*Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

²*Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

DROBIZHEVA Leokadiya Mikhailovna, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; **Prof.-Researcher**, National Research University Higher School of Economics. Email: drobizheva@yandex.ru; **RYZHOVA** Svetlana Valentinovna, Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Email: Silica2@yandex.ru

Received: 06.06.2015. Accepted: 26.06.2015

The study was supported by Russian Scientific Fund (project № 14-28-00218)

Abstract. The article analyzes problems connected with the idea of civil identity in official discourse, among the scientific elite and in mass consciousness. Attention is focused on the dynamics of multiple identity, congruence and balance of civil and ethnic identity of Russians and other Russian nationalities. The analysis is based on representative all-Russian research, research in a number of republics conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2013–2015 as well as discourse analysis of doctrinal and scientific materials. The topics: what do people understand of the term civic identity, and the place of the state in individual identity; how adequately the use of the concept of state-civil identity reflects the conception of Russians at the present stage; the balance of state-civil and ethnic identities among Russian and titular nationalities of the republics; evidence of the compatibility of these identities when they are positive; the importance and relevance of ethnic identity among Russians, which is no less than that for titular nationalities of the Russian republics, and civil identity for them is connected with ethnic identity more strongly than for people of other nationalities. The idea of a common state is the basic connecting segment between civil and ethnic identity, among Russians, and among other nationalities. But the idea of the preferred state differs in different social and ethnic environments and this requires the attention of society and the government to maintain loyalty to the state as a “common home of many peoples”. In order to strengthen civil identity it is important to develop a sense of responsibility for affairs in the country, which is currently shared by 30-50% of citizens in different regions of the country.

Keywords: civil and state-civil identity; ethnic identity; identity of the Russian and titular nationalities of the republics; preferable state; status of ethnic Russians; equality of the people.

References

- Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States and External Homelands in the New Europe. — *Daedalus*. 1995. No. 124(2). P. 107-132.
- Eisenstadt Sh.N., Schluchter W. Paths to Early Modernities — A Comparative View. — *Prognosis*. 2007. No. 2. P. 212-226.
- Erikson E. H. The Problem of Ego-identity. — *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 1956. No. 4. p. 56-121.
- Erikson E. H. *Childhood and Society*. New York, London: W.W. Norton Company. 1963. 445 p.
- Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* (otv. red. L.M. Drobizheva) [Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today and Tomorrow (ed. by L.M. Drobizheva)]. Moscow: ROSSPEN. 2013. 485 p. (In Russ.)
- Hobsbawm E. *On History*. Altrincham, United Kingdom: Little, Brown Book Group. 1998. 416 p.
- Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* (otv. red. I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva) [Identity as a Subject of Political Analysis. Volume of Conference Papers (I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva, V.V. Lapkin, P.V. Panov (eds.))]. Moscow: IMEMO RAN. 2011. 299 p. (In Russ.)
- Lowenthal D. *The Heritage Crusade and the Spoils of History*. London: Viking. 1998. 356 p.
- Mead G.H. *Mind, Self and Society*. Chicago: University of Chicago Press. 1934. 400 p.
- Miller A.I. *Tema nacji v Rossijskoj politike poslednih let* [The Theme of Nation in the Russian Policy of Recent Years]. — *Dva prezidentских sroka V.V.Putina: dinamika peremen: Sbornik nauchnyh trudov* (otv. red. N.Ju. Lapina) [Two Presidential Term of Vladimir Putin: Dynamics of Change. The Collection of Scientific Works (ed. by N.Y. Lapina)]. Moscow: INION RAS. 320 p. (In Russ.)
- Panov P.V. 2011. *Nacional'naja identichnost': varianty social'nogo konstruirovaniya kartiny mira* [National Identity: the Social Construction of Variants of Picture of the World]. — *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* (pod red. I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva, V.V.Lapkin, P.V.Panov) [Identity as a Subject of Political Analysis (I.S.Semenenko, L.A.Fadeeva, V.V.Lapkin, P.V.Panov (eds.))]. Moscow: IMEMO RAS. 2011. P. 47-51. (In Russ.)
- Rossijskaja identichnost' v Moskve i regionah* (otv. red. L.M. Drobizheva) [Russian Identity in Moscow and in Regions (ed. by Drobizheva L.M.)]. Moscow: Max-Press. 2009. 268 p. (In Russ.)
- Rossijskaja identichnost' v uslovijah transformacij* (otv. red. M.K. Gorshkov, N.E. Tihonova) [Russian Identity under Transformation (ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova)]. Moscow: Nauka. 2005. 396 p. (In Russ.)
- Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaja* (pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova) [Russian Society and the Challenges of the Time. The First Book (ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov)]. Moscow: Ves' Mir Publ. 2015. 336 p. (In Russ.)
- Sanina A.G. Formation of Russian Identity: Civil-State Approach. — *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2012. No. 12. P. 57-65. (In Russ.)
- Semenenko I.S. *Politicheskaja nacija, nacional'noe gosudarstvo i grazhdanskaja identichnost': na puti v global'nyj mir* [Political Nation, the National State and Civic Identity: on the Way to Global Peace]. — *Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti. Tom 2. Identichnost' i social'no-politicheskie izmenenija v XXI veke*. Otv. red. I.S. Semenenko [Political Identity and Identity Politics. Vol. 2. The Identity and Socio-political Changes in the Twenty-first Century. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: ROSSPEN. 2012. P. 41-72. (In Russ.)
- Shnirel'man V.A. *Vojny pamjati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: IKC "AKADEMKNIGA". 2003. 592 p. (In Russ.)
- Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Basil Blackwell. 1986. 312 p.
- Smith A.D. *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge: Polity Press. 1995. 216 p.
- Social'naja i kul'turnaja distancii: Opyt mnogonacional'noj Rossii* (otv. red. L.M. Drobizheva). [Social and Cultural Distances: Experience of the Multinational Russia (ed. by Drobizheva L.M.)]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 1998. 385 p. (In Russ.)
- Social'noe neravenstvo jetnicheskikh grupp: predstavlenija i real'nost'* (pod. red. L.M. Drobizhevoj) [Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality (ed. by Drobizheva L.M.)]. Moscow: Academia. 2002. 480 p. (In Russ.)
- Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. — *Psychology of Intergroup Relations* (eds. by S. Worchel, W.G. Austin). Chicago, IL: Nelson-Hall. 1986. P. 7-24.
- Tishkov V.A. About Various Histories (Thinking about the Article of Sergei Naryshkin). — *Bulletin of the Russian Nation*. 2010. No. 4-5. P. 12-25. (In Russ)
- Tishkov V.A. *Rossijskij narod: istorija i smysl nacional'nogo samosoznaniya* [The Russian People: the History and Meaning of National Identity]. Moscow: Nauka. 2013. 649 p. (In Russ.)